

Татьяна Варсоцкая

Возвращение к звездам

Татьяна Варсоцкая
Возвращение к звездам

«Издательские решения»

Варсоцкая Т.

Возвращение к звездам / Т. Варсоцкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832869-5

События произведения происходят в одной из восточно-европейских стран в наше время, а также в Древнем Риме времен Тиберия и Нерона. Что связывает молодого парня, живущего в двадцать первом веке, и богатую знатную римлянку? Есть ли границы между явью и сном, иллюзией и реальностью? Найдут ли герои решения своих сложных проблем и ответы на философские вопросы, свой Путь к Богу? Об этом и о многом другом — в небольшой религиозно-философской повести.

ISBN 978-5-44-832869-5

© Варсоцкая Т.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Возвращение к звездам

Татьяна Варсоцкая

*Смысл Жизни прост: жить долго
и правильно, познавать и любить
себя и мир, стремиться к звездам,
откуда мы наверняка пришли и
когда-нибудь вернемся.*

С. И. Мирутенко

© Татьяна Варсоцкая, 2016

ISBN 978-5-4483-2869-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Темнота опустилась на город. Утреннее весеннее солнце вдруг скрылось в грязных лохмотьях туч, свежий ветер превратился в песчаную бурю, засыпав песком не только террасы, но и комнаты в глубине дворца. Даже свет маяка не мог пробиться сквозь песчаную завесу. Слышались легкие толчки откуда-то из глубины земли. Оживленные улицы Кесарии вмиг опустели.

Во дворце запылали смоляные факелы, загорелись масляные лампы. Казалось, будто уже поздний вечер, но клепсида показывала, что еще только полдень.

Клавдия поняла: случилось что-то страшное. Сон, приснившийся ей сегодня, был пророческим. Она вспомнила сон Кальпурнии, жены Юлия Цезаря, в котором ее муж был заколот у нее на руках. В тот же день Цезарь был убит в сенате. Но во сне Клавдии никто не убивал ее мужа, Гая Понтия Пилата. Ей приснился Гай, окруженный толпой разъяренных мужчин. Они кричали:

– Убей его! Убей его! Убей его!

Она ясно видела их безумные глаза, гнилые зубы, слюна брызгала на их бороды, когда они исступленно кричали: «Убей его!». Гай стоял растерянный, он не хотел никого убивать, хотя и держал в руках копьё. Но толпа продолжала кричать. Вдруг среди бородатых лиц Клавдия увидела гладковыбритое лицо императора. Он тоже кричал: «Убей его! Убей его или ты не друг кесарю!». Императора увидел и Гай, на его лице отразилось сначала удивление, а потом страх, и он бросился сквозь толпу, которая вмиг расступилась, к молодому мужчине. Это был мужчина из предыдущих снов Клавдии. Она не сразу его узнала, потому что он был сильно избит. Гай, опытный воин, легко пронзил хрупкую грудную клетку тяжелой гастой. Прежде, чем мужчина упал замертво, из раны брызнули кровь и вода.

Бесноватая толпа вмиг растаяла, остались только убитый мужчина и Гай, разглядывающий в ужасе свои окровавленные руки.

– Воды мне, воды! – закричал Гай. Появился раб с огромной золотой чашей, Гай опустил в нее руки, и вода окрасилась в алый цвет. Внезапно убитый мужчина поднялся, взял из рук изумленного раба чашу и поднес к губам Гая.

– Если не будешь пить крови моей, не будешь иметь в себе жизни.

Гай оттолкнул чашу...

Клавдия проснулась, сердце ее еще долго билось, как испуганная птица в клетке, как будто только что увиденное было не сном, а ужасной пугающей реальностью. Женщина позвала прислугу и приказала приготовить успокоительный травяной отвар.

Мужа дома не было. Несколько дней назад он уехал по делам. Они редко общались в последнее время, и Гай не говорил, куда он уезжает, надолго ли, и чем он сейчас занят. Любые разговоры о делах вызывали у него только раздражение. Муж был часто зол, иногда при ней он высказывал свое презрение к «диким и фанатичным» людям, управлять которыми он должен был от имени кесаря. Клавдия мужу не перечила, но не оправдывала жестокость, с которой Рим пытался править строптивым народом. За годы жизни в провинции она познакомилась с местными традициями и религией. Ей была близка их вера в единого совершенного Бога, хотя она и выросла в семье, где почитали римских богов. Но об этом она тоже не разговаривала с мужем. Гай, как казалось Клавдии, с возрастом стал скептиком и не верил ни в каких богов – ни в римских, ни в греческих, и все обряды и жертвоприношения совершал формально. Все их общение в последнее время сводилось к тому, что по вечерам после ужина она играла ему на лире или читала вслух оды Горация и эклоги Вергилия. Хорошая жена должна оградить мужа от прочих забот, чтобы он полностью мог посвятить себя государственным делам. Так

наставляла мать Клавдию перед тем, как Гай взял ее за правую руку и увел из родительского дома. Девушке едва исполнилось пятнадцать лет, но по римским традициям она уже давно созрела для замужества, хотя в ее детской комнате еще было много игрушек. Одну из них – большую куклу из слоновой кости с настоящими, но миниатюрными платьем и драгоценностями она взяла в дом мужа. Первые годы замужества протекали беззаботно, как в детстве, только сейчас, став замужней женщиной, у Клавдии стало больше свободы и денег. Семья Понтийев была хоть и не знатной, но богатой. Да и Гай за годы доблестной военной службы умножил свое состояние – он участвовал в походах против хаттов и марсов под началом Германика, который был щедр к своим воинам. Через несколько лет Гай получил назначение в Иудею, вместе с мужем в провинцию отправилась и Клавдия.

Кесария, где им предстояло жить, понравилась Клавдии. Здесь было все, что нужно для комфортной жизни римлянину: театр, амфитеатр, ипподром, термы, храмы, мраморные дворцы и цветущие сады, вода и канализация. Крупный порт, где одновременно могли стать на якорь до ста кораблей, его удобное расположение позволяли купить в лавках и на рынке все, что душе было угодно: ткани из Индии и Египта, ковры из Сирии, драгоценные камни, продукты из всех концов Римской империи. Рядом с амфитеатром на мысе располагался роскошный дворец, построенный царем Херодусом. Дворец с трех сторон был окружен морем, поэтому даже в сильную жару воздух здесь был свеж. Иногда ветер доносил с гавани крики торговцев, подгоняющих рабов, рев ослов и мулов, скрип весел и тяжело груженых повозок. Клавдия любила гулять по роскошному саду среди фонтанов, деревьев и цветов, купаться в просторном бассейне, который был высечен в скале и окружен величественной колоннадой и морем.

Женщина так и не нашла подруг в Кесарии, хотя прожила здесь уже несколько лет. Ей не интересны были ни общественные бани, куда женщины собирались не только для того, чтобы заняться своей внешностью, но и посплетничать. Не увлекали ее и зрелища: гонки на колесницах очень часто заканчивались гибелью колесничих и лошадей, по этой же причине – смерть одних людей ради развлечения других – не нравились ей и боевые поединки. Она предпочитала заниматься домом: вместе с рабами отправлялась за покупкой продуктов, проверяла, как убираются дворцовые комнаты, часто заходила на кухню, чтобы лично убедиться, что фазан будет достаточно прожарен, а при приготовлении приправы из сельфия и семян сосны будут соблюдены все пропорции.

Как и многие римлянки, Клавдия умела ткать, хотя нужды в этом не было, просто ей нравилось это занятие. Поэтому она приказала в небольшом помещении рядом со своей спальней установить ткацкий станок, куда приходила поработать в сильную жару или дождливую погоду.

Клавдия с раннего детства полюбила уединение и чтение, что помогло ей сейчас переносить разлуку с родными. Во дворце была неплохая библиотека, и женщина часто брала свитки в сад, где читала, расположившись на скамейке среди миртовых деревьев. Особенно здесь было хорошо, когда мирты расцветали – благоухание белоснежных цветков наполняло сердце женщины радостью и спокойствием.

По вечерам, если мужа не было дома, лежа в просторном триклинии и наслаждаясь сладким фалернским вином, она провожала солнце, опускающееся в море.

Как и всем женщинам, Клавдии нравилось покупать наряды и украшения, которые она надевала во время редких выходов в театр. Хоть Клавдия и не жаждала общения с местным обществом, высокий статус обязывал их семью принимать гостей и наносить ответные визиты.

Так, в хозяйственных заботах и тихих удовольствиях протекала жизнь молодой женщины. Она чувствовала бы себя полностью счастливой, если бы могла родить ребенка. Но две беременности прервались на ранних сроках, после этого Клавдии больше не удавалось зачать. Она знала, что другой мужчина уже давно развелся бы из-за этого со своей женой, но только не Гай. Он считал, что большинство современных римлянок слишком распушены, думают

только о нарядах и развлечениях, вмешиваются в дела мужа. «Где я еще найду такую умную, красивую и кроткую жену», – отвечал ей Гай, когда она в слезах после очередной неудачной попытки забеременеть просила мужа отвести ее к родителям и найти себе другую жену. Благодаря поддержке Гая, Клавдия со временем успокоилась и решила довериться богам, чтобы они сохранили ее семью и подарили им дитя. Она каждый день молилась своей любимой богине Юноне. Клавдия не любила насилие и кровопролитие, поэтому из всех богов она предпочитала Юнону, которая не требовала крови жертвенных животных, а принимала в дар цветы. Клавдия велела соорудить в саду небольшой алтарь, куда каждый день приносила свежий венок из цветов.

Когда вернулся Гай, Клавдия была в саду, где умоляла Юнону о скорейшем возвращении мужа из поездки по провинции здоровым и в хорошем расположении духа. Прибежала ее любимая рабыня Авигея и доложила, что приехал хозяин. Клавдия поспешила во дворец. Гай был уставшим и озадаченным, поэтому женщина не стала докучать ему вопросами. Холодно поцеловав ее в щеку, он отправился в роскошную дворцовую баню, потом велел подать ужин. За ужином, увидев, что после жареной свинины и бокала неразбавленного вина муж повеселел, Клавдия рискнула спросить о делах. Гай нахмурился, в нескольких словах рассказал, что в Иерусалиме назревал мятеж, преступников казнили. Потом поднялся, поцеловал ее и, пожаловавшись, что очень устал, отправился в свою спальню.

2

Марк проснулся, как всегда, без будильника. Он посмотрел на наручные часы, которые лежали на тумбочке возле кровати: половина седьмого. Было еще рано, но он никогда не любил валяться в постели, даже по воскресеньям, а сегодня был обычный рабочий вторник. Пока в чайнике грелась вода, он быстро принял душ, насыпал корм в миску для Матильды, молотый кофе в чашку для себя. Кошка дремала на своем любимом месте – на холодильнике. Услышав звук насыпаемого в пластик сухого корма она зевнула, потянулась, потом спрыгнула позавтракать. Лиза еще спала. Пронзительно засвистел чайник, Марк быстро выключил его, чтобы не разбудить жену. Заливая кофе еще кипящей водой, он подумал, что сегодня вечером надо поговорить с Лизой: ей надо бросить курить, заменить кофе на чай, больше есть фруктов, гулять, а не сидеть часами у монитора компьютера. Лиза ждала ребенка. От мысли про сына или дочь хотелось петь и танцевать. Тщательно прожевав свой бутерброд с сыром и запив его кофе с молоком, слегка дернув недовольную Матильду за хвост, Марк вышел из дома. Семь часов десять минут.

На улице было почти безлюдно. Тихо и безветренно, снежинки плавно опускались город. На работу – в реабилитационное отделение городской больницы – Марк ходил пешком, всего тридцать минут ходьбы – зачем ждать автобус или брать машину. Зарабатывал он немного, но ему нравилось то, чем он занимался, да и хватало им с Лизой на жизнь. Возможно, когда родится малыш, придется брать ночами подработки на скорой помощи. Сейчас он чувствовал себя совершенно счастливым человеком: он занимается любимым делом, его девушка ждет ребенка, скоро новогодние и рождественские праздники. Марк улыбался, думая об украшенной ели, мандаринах, бумажных снежинках на оконных стеклах.

С экрана большого телевизора, висевшего на стене в палате №13, девушка с безупречной прической и такой же дикцией на фоне шестцветных флагов под сапогами полицейских рассказывала об очередном разгоне несанкционированного парада. Две пары глаз внимательно смотрели на экран – в палате лежали два мальчика, один из которых был хорошо знаком Марку, так как часто проходил реабилитацию.

– И как ты относишься к гей-парадам? – улыбаясь, спросил Марк у Антония. Антоний – это маленький взрослый человек. Ему двенадцать лет, но он часто болел и много читал, отчего очень рано повзрослел.

– Я никогда не был на гей-парадах, поэтому не знаю, как к этому относиться. Вот военные парады видел. Мне не нравится, когда по городу ходят танки, даже если это танки нашей армии. Оружие – это всегда боль и смерть.

Антоний много знал о боли. После первого ультразвукового исследования его маме предложили сделать аборт. Она отказалась. Отказался и папа Антония, от него и от мамы. Поэтому во время тяжелых родов у двери родильного зала с розарием в руках сидела одна бабушка. Из больницы домой они вернулись только через шесть месяцев после двух операций – на гортани и на легком. Зато он смог дышать самостоятельно. Через год была еще одна операция по восстановлению кишечника. Были и другие проблемы. Но Антоний с мамой и бабушкой боролись. И победили. Сейчас Антоний был почти здоровым ребенком, только нуждался в ежегодной реабилитации.

– А знаешь, ведь мы с тобой тезки – меня зовут Марк Антоний.

– Тебя назвали в честь Марка Антония?

– Ага, моей маме очень понравился фильм про Клеопатру.

Антоний громко засмеялся, обнажая свои желтые, немного кривые зубы. Марк тоже не удержался, захохотал, глядя на мальчика. Вряд ли Антоний смотрел фильм про Клеопатру, но с историей Древнего Рима был знаком несомненно.

– Хорошо хоть не Цезарем, – сказал Марк.

Они снова рассмеялись.

– Ну, начнем очередной курс лечения?

– Начнем, – радостно ответил Антоний.

Дети любили Марка, а он любил свою работу и пациентов, и считал, что недостаточно хорошо сделать массаж, но надо найти для каждого слова, ободряющие или утешающие, дающие надежду на выздоровление.

Размышляя об Антонии и многих других детях, страдающих с самого рождения, Марк думал, что нельзя верить в Бога милосердного, справедливого, и не верить переселение души, нельзя верить, что человек создан свободным, и не верить в право выбора душой воплощения. Впрочем, Марк не был религиозным человеком, когда-то бабушка – мама отца Марка – пыталась водить его в церковь, но мать запретила ей сначала брать внука в церковь, а потом и вовсе встречаться с ним. Так она мстила за то, что муж оставил ее с сыном и ушел к другой женщине. Но, несмотря на свое равнодушие к религии, поработав несколько лет в больнице, Марк волею-неволей иногда задумывался о смерти, о жизни, о ее смысле.

Лизе казалось, что Марк с каждым днем отдаляется от нее все дальше и дальше. И ей становилось холодно. Как будто она была на планете, от которой отдалялась звезда, согревающая ее. Он все меньше и меньше времени находил для общения с ней. Раньше каждую свободную минуту Марк звонил ей с работы, присылал сообщения. По вечерам и по выходным они много разговаривали, гуляли, или молча, обнявшись, смотрели фильмы. Лиза понимала, что любые отношения меняются. Чувства становятся менее острыми, более спокойными. Это неизбежно и это правильно. Но у них все было не так, все неправильно. Лиза с каждым днем нуждалась в Марке все больше и больше, как наркоман нуждается с каждым днем все в большей дозе, уже даже не для удовольствия, а чтобы унять боль. И Лиза понимала, что это уже не любовь, а болезненная привязанность. И чем больше она требовала или просила проявлений чувств, тем больше Марк становился все равнодушнее и холоднее. И Лизе казалось – нет, она даже была уверена, что у него есть другая женщина, которой он дарит всю свою страсть и нежность, все свое тепло, как когда-то дарил ей. И она одиноко замерзала на своей планете.

Лиза начала писать стихи. Она никому их не показывала, даже лучшей подруге Маше, потому что понимала, что они глупые, пошлые, неправильные, как и сама Лиза.

Я выпью ночь до дна, как кофе.
Горчит немного, но бодрит.
Мне память твой рисует профиль,
И сердце ревностью горит...

Чувство одиночества усиливалось, а вместе с ним и серый туман депрессии.

Летящее небо над головой
Сыплет на землю дожди-проклятья.
Я буду скоро уже с тобой,
На мне подвенечное саван-платье...

И не было никого, с кем можно было бы поделиться своей болью и своими страхами. Почти никого... Осталась только она, ее единственная подруга, ее любимая и такая же одино-

кая и несчастная Маша. После смерти Лизиной мамы и трагедии в семье Маши она стала ее самым близким и родным человеком.

3

Спалось ли в эту ночь ему, Гаю Понтию Пилату, велевшему казнить целителя и чудотворца из Назарета, который претендовал на царский престол, неизвестно. Но Клавдия долго не могла уснуть. Сегодняшние события – внезапное землетрясение и песчаная буря, на несколько часов укрывшая солнце, – напугали ее, и она никак не могла успокоиться. Несмотря на то, что комнаты уже убрали, и она перед сном приняла ароматную ванну, ей казалось, что песок до сих пор повсюду: на подушках, простынях, в волосах; каждый раз, когда она ворочалась, он царапал ее нежную кожу. Но для бессонницы была еще одна причина: она боялась уснуть и не увидеть больше во сне его глаза, удивительные глаза цвета меда. Что-то подсказывало ей, что он среди казненных. И самое страшное, что ее муж имел прямое отношение к смерти Мужчины с янтарными глазами. Так она называла его про себя, когда не знала еще его имени. Возможно, они такими были только в лучах заходящего солнца на берегу реки. Но все их встречи проходили именно там, у реки, на другом берегу которой возвышались покрытые лесом горы, за которые опускалось солнце, чтобы закончить этот день, и, вернувшись с обратной стороны земли, начать отсчет нового дня.

Первый раз она увидела его месяц назад. Молодой мужчина сидел на берегу красивой реки и любовался двумя солнцами – одно опускалось за горы, а второе отражалось в оранжевой реке.

– Разве это не красиво? – спросил мужчина.

Клавдия промолчала, заметив про себя, что у мужчины теплые глаза цвета окрашенной заходящим солнцем реки.

– Красиво, – согласилась она, думая и о странном закате, и о глазах мужчины.

Больше мужчина ничего не говорил, а просто смотрел на нее и тепло улыбался, как в детстве смотрел на нее отец. И она испытала неведанное ранее, а, может, просто забытое блаженство.

Проснувшись, Клавдия целый день не могла забыть эту реку, солнце и глаза, полные тепла и света. И что-то теплое и светлое разливалось у нее в груди, когда она опускала веки и пыталась более четко воссоздать картину сна. Наблюдая за странным поведением Клавдии, ее любимая рабыня даже испугалась, не заболела ли или не влюбилась ли ее хозяйка, что, впрочем, одно и то же. Клавдия призналась, не рассказывая подробности, что просто ей приснился хороший сон, и она не хочет его отпускать.

Во время второй их встречи мужчина сидел на берегу реки на том же месте и чертил что-то монетой на песке. Клавдия узнала эту монету, это был желтый систерций с изображением Октавиана Августа. Она осмелилась первой заговорить с ним:

– Мы сейчас в какой-то провинции империи?

– Нет, – ответил мужчина, взглянул на монету, улыбнулся про себя, и бросил ее в реку, – Мы в Индии. Римскую монету привезли торговцы.

– Ты все время сидишь здесь?

Мужчина посмотрел на Клавдию и с легкой улыбкой ответил:

– Я не только здесь, но я очень люблю это время и это место.

– Разве можно выбирать время и быть одновременно в нескольких местах? – удивилась Клавдия.

– Можно. Например, ты сейчас здесь, на берегу Кавери, а еще в своей спальне в Кесарии.

– Кто ты? Как тебя зовут?

– Я тот, кто с тобой все время. У меня нет имени, ибо не было никого до меня, чтобы дать мне имя. Но все по-разному зовут меня. Твоя служанка Авигея зовет меня Яхве.

– Яхве – так зовут единого Бога! – воскликнула Клавдия, немного знакомая с иудейскими верованиями.

– Это я, который говорю с тобой. Вспомни, неужели нам начинать все сначала?

– Что значит – начинать сначала?

– Наш диалог.

Внезапно нахлынули какие-то воспоминания из размытых образов и едва различимых звуков, и как Клавдия ни пыталась, но более четко расслышать и рассмотреть их не получилось. «Где я сейчас? Где находится река Кавери? Что реальность, а что сон? Эта река, этот мужчина, размытые картины и странные звуки – это реальность? Или Рим, мой дом в Кесарии, мой муж Гай – это реальная жизнь, а Индия и странный мужчина, называющий себя Яхве, – это всего лишь красивый сон?». Пытаясь понять это, Клавдия забылась более глубоким сном.

Маленький черноволосый человек с небольшой бородой и темными сияющими глазами обратился к своему гостю:

– Как тебя зовут, брат мой?

– Малик.

– Читай, Малик.

– «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...».

Так Гададхар впервые встретился с Иёсу. Эта встреча так потрясла его, что он забыл Кали, богиню, которую считал одним из воплощений Бога, и которой поклонялся страстно и безумно.

– «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

Потом были еще встречи, свидетельницей которых была только она. Когда Гададхар погружался в молитвы, Иёсу тихо входил и целовал его. «Вот проливший кровь своего сердца для искупления людей, вот тот, кто испил море страданий из-за любви к людям. Это он, Учитель йогинов, вечный союзник Бога, воплощенная любовь», – пел Гададхар. Ей очень нравилось, когда Учитель приходил к ее Спасителю, так она называла Гададхара. Больной и голодной он подобрал ее на улице, выходил и оставил у себя. И вот сейчас она, имеющая сознание еще слабо развитое, была свидетельницей встреч, которые хотели бы видеть и слышать многие, считающие себя святыми.

– О, мой Бог, я испробовал многие пути – индуизм, буддизм, ислам и христианство, и все они ведут к тебе. Кого зовут Кришна, того зовут и Иёсу. Не я, а Ты – вот главная идея всех религий, чем меньше мы думаем о себе, тем больше Бога в нашей душе.

– Все верно. Все пути, по которым люди идут со всех сторон, есть мои пути. Кто всюду видит меня и во мне видит всё – того я никогда не покину, и он никогда не покинет меня. Я в тебе, ты во мне.

Когда тело ее Спасителя понесли на костер, она незаметно прыгнула в огонь, и никто этого не заметил. Сложно было разглядеть маленькую серую кошку в огромной толпе людей, которые пришли проститься с великим гуру. Но даже расставшись со своим телом, она не могла отправиться за своим Спасителем туда, где душа сливается с Богом.

– Девочка, – громко сказала акушерка.

– Девочка, – тихо прошептала родильница.

Девочка заплакала, как будто знала, какой долгий и нелегкий путь ей еще предстоит пройти.

Клавдия проснулась и огляделась: она дома в постели в Кесарии. Она еще долго лежала и пыталась понять свои сны. «Я в тебе, ты во мне... Погребальный костер... Кошка...

Что это? Кто эти люди?» – думала Клавдия. Спустя какое-то время ей наконец-то удалось проснуться окончательно и провести границу между реальностью и снами: здесь, в Кесарии, рядом с мужем, реальная ее жизнь; Индия, река в лучах заходящего солнца, мужчина с теплыми янтарными глазами и другой мужчина, маленький темноволосый, – просто сны. Она твердо решила выбросить их из своей головы.

Но это был не последний сон. Был еще один, потрясший женщину не менее, чем сон, в котором Понтий убивал Иесу.

...Жарко, очень жарко, тяжело дышать, Клавдия открывала рот, хватала воздух, но он был горячим и горьким, и от этого становилось еще хуже, сухой кашель рвал грудную клетку. Крики, ужасные крики, людей и животных, полные страха и боли. К запаху горящего дерева и соломы примешивался запах жареного мяса. Клавдия пыталась куда-то бежать, но силы покинули ее, она опустилась на колени. «Молиться... Надо молиться... Кому? Зачем?» Земля под ногами начала уходить вниз, как будто горящий город падал в огромную внезапно образовавшуюся дыру. Клавдия закричала от ужаса, и тут же сильные невидимые руки подхватили ее.

– Клавдия, дорогая, проснись, слышишь меня? Проснись, – пытался разбудить жену Понтий. Она открыла глаза.

– Ну, вот, наконец-то... Ты меня испугала: сначала тяжело дышала, после шептала что-то неразборчиво, а потом и вовсе перестала дышать.

– Мне приснился страшный сон, – прошептала Клавдия пересохшими губами.

– Это только сон, дорогая. Все хорошо, – Понтий приподнял жену, прижал к себе и начал убаюкивать, как маленького ребенка.

– Я давно хотела рассказать тебе о моих снах: об оранжевой реке, о Мужчине с янтарными глазами, который называл себя Яхве, о том, как ты его убил, и о другом мужчине, с черными курчавыми волосами и черной бородой. А сегодня во сне я видела горящий Рим. Это так страшно, там живьем горели дети...

Клавдия задрожала.

– Тсс, не говори больше ничего. Тебе надо успокоиться и уснуть. Приказать, чтобы Авигея приготовила успокоительный настой?

– Нет, не надо настой, просто дай мне воды.

Она жадно напилась и опустилась на постель. Запах сушеных цветов и трав, идущих от льняной простыни, начал вытеснять из памяти отвратительный запах пожара, пение цикад заглушило звучащие до сих пор в ушах крики женщин и детей. Клавдия уснула.

4

Марк, как всегда, шутил и улыбался пациентам, но на душе сегодня было беспокойно. Настроение, радостное с утра, постепенно уступало место тревоге. Целый день Лиза не отвечала на его звонки, Марк беспокоился: она сегодня шла к гинекологу на прием. Так и не дозвонившись жене, он ушел с работы немного пораньше, чего никогда не позволял себе ранее. Хотя некоторые его коллеги иногда грешили этим. Но предчувствие чего-то нехорошего, может быть, даже ужасного, гнало его домой.

Лиза спала в гостиной на диване. С экрана телевизора звезда-однодневка с искусственными ногтями и ресницами делала вид, что поет. Марк выключил телевизор и пошел на кухню. На столе стояли два бокала со следами красного вина, тарелка с куском копченой курицы, полная пепельница окурков от тонких длинных сигарет. На бокалах и на окурках – следы от розовой помады Лизы и ярко-красной помады Маши, лучшей подруги Лизы, которую Марк и раньше не любил, но после страшной истории с ее матерью и братом стал и вовсе опасаться. Бутылку из-под дешевого вина Марк обнаружил в мусорном ведре. Матильда под столом ела курицу.

– Ребенка не будет, – Марк не услышал, как Лиза вошла на кухню. – Я сделала вакуум.

От внезапно охватившей его слабости, Марк опустился на пол, сел возле мусорного ведра, посмотрел на Лизу. Снизу вверх, с мольбой. Он все еще надеялся, что, возможно, это глупая и злая шутка, что Лиза сейчас рассмеется, подбежит к нему, обнимет, поцелует. Или, может быть, ребенка и не было, и задержка – это какое-нибудь заболевание. Он не хотел верить, что Лиза сама убила их ребенка. Их мальчика, с такими же серо-голубыми глазами, как у него. Мальчика, которого он в своих мечтах купал в голубой пластиковой ванночке, провожал первый раз в школу с букетом огромных белых хризантем, покупал на Рождество и Новый год подарки и прятал под елкой, непременно натуральной, чтобы в доме был любимый запах ели и мандаринов. Мальчика, которого он учил бы плавать и приемам самообороны... Или пусть была бы девочка, с большими голубыми глазами и пышными ресницами, как у Лизы. Он много раз представлял, как он покупает дочке большую куклу, и они счастливые идут из магазина домой, он мечтал научиться заплетать ей косы... Но уже не будет ничего – ни голубой ванночки, ни белых хризантем, ни длинных кос с разноцветными резинками, ни большой мяукающей куклы...

– Но почему? Что случилось? Я не понимаю...

Он все еще надеялся, надежда тлела маленьким красным огоньком, но Лиза еще раз сказала, тихо, но твердо:

– Ребенка не будет.

И вышла из кухни. И надежда умерла, маленький огонек погас, как будто на него вылили ведро воды. И она потекла, вода, скупыми мужскими слезами по щекам... Запах ели и мандаринов выветрился, пахло гнилой картофельной кожурой, дешевым вином и окурками из мусорного ведра.

Марк понял, что не может остаться сегодня дома, не может сидеть на месте. Хотелось идти, долго-долго, не важно куда, только бы идти, пока силы не покинут его молодое здоровое тело. Быстро натянув куртку, Марк выбежал из дома. Он не хотел, чтобы Лиза видела его слезы. И Лизу больше видеть не хотел.

Сначала он шел быстро, как будто убегал от кого-то или чего-то. Потом долго прогуливался по маленьким улочкам, погружившись в свои мрачные мысли. Избегая знакомых, он забрел на окраину города, вдаль от многоэтажных домов. Очнулся от лая огромной собаки, которая увидев незнакомца, пыталась сорваться с металлической цепи. Почувствовав, что замерзает, Марк отправился ночевать в больницу.

Реабилитационное отделение, в котором работал Марк, ночью было закрыто. В спешке покинув квартиру, он не захватил с собой ключи. Немного постояв во дворе больницы, пообедав взглядом желтые оконные проемы на темно-сером здании, он решил пойти в неврологическое отделение. В основном там работали молодые медсестры, с некоторыми Марк был на дружеской ноге.

Сегодня в неврологическом отделении дежурила Агнешка, что обрадовало Марка. Не надо будет объяснять, что он тут делает: Агнешка добрая и очень тактичная девушка.

– Я подремлю в комнате отдыха в кресле?

– Да, конечно, можешь лечь на тахту, я все равно не собираюсь сегодня спать. Пациентов тяжелых нет, так я контрольную хочу сделать за ночь.

Агнешка – студентка-заочница. В медицинский институт поступить не удалось, она решила стать ветеринарным врачом. На почве любви к животным они и подружились. Кроме этого, у них много было общего: они любили литературу, рок-музыку, им нравились одни и те же фильмы. Это потрясающее чувство – когда ты начинаешь говорить о каких-то своих переживаниях, но, не закончив, чувствуешь, что тебя поняли, как только ты сказал первое слово. И ты так же с первой фразы понимаешь своего собеседника. Агнешку трудно было назвать красивой: невысокого роста, немного полновата, маленький нос, украшенный веснушками, рыжие волосы, светло-карие глаза. Но, общаясь с ней, начинаешь ощущать, как становится теплее и светлее на душе. Света и тепла Агнешки хватало и для друзей, и для коллег, и для пациентов, и для бездомных кошек, которых она подбирала, лечила, а потом находила им новый дом. Так у Марка в доме появилась Матильда. «Солнышко» – называли Агнешку пациенты.

– Чай будешь? – светилась Агнешка.

Марк видел, что она очень ему рада. Может быть, Лиза права, что не бывает дружбы между мужчиной и женщиной, и кто-то один любит, надеется, ждет?

– Да, я, кажется, сильно замерз, хотелось бы согреться. Было бы неплохо сейчас выпить чаю.

– Чай очень хороший, мне брат из Индии прислал, – Агнешка разливала по чашкам из заварочного чайника горячую золотую воду.

Брат Агнешки был одноклассником Марка. Друзьями их нельзя было назвать – слишком разные интересы: Марк увлекался спортом, тяжелой музыкой, а Александр, так зовут брата Агнешки, с детства интересовался историей, философией, религией; но симпатия и уважение друг к другу у них зародились еще в начальной школе.

Однажды, уже в выпускном классе, Марк возвращался из кино с девушкой. Зайдя во двор, где она жила, они увидели драку. Это была даже не драка, а избиение: три парня по очереди били кулаками, смеясь, не сопротивляющегося человека. Он только пытался закрыть ладонями лицо от ударов, потом упал. Удары продолжались, на этот раз ногами. Приказав девушке остаться на месте, Марк побежал на помощь. Хулиганы, узнав Марка, решили с ним не связываться. Но он все же догнал одного, развернул лицом к себе и ударил, кулаком в челюсть, не сильно, но парень отшатнулся, что-то злобно прошептал и побежал догонять своих друзей. Избитый молодой человек продолжал лежать на снегу. Невысокий, худой, рыжеволосый. Марк узнал своего одноклассника Александра. Присев рядом, слегка тронул его за плечо, Александр зашевелился.

– Живой?

– Кажется, – попытался улыбнуться Александр.

– За что они тебя? – спросил Марк, помогая Александру подняться.

– Не знаю, денег хотели, наверное. Не надо было их бить, – тихо сказал Александр, отряхивая грязный снег с рукав куртки.

– Думаешь, отомстят? – Марк начал ему помогать, отряхнул снег со спины парня, с рыжих волос. Протянул бумажные платочки.

– Нет, не поэтому – нельзя на зло отвечать злом. От этого в мире будет еще больше зла, – Александр вытер лицо, на белоснежной салфетке остались следы крови.

– Если на зло ответить добром, то добра в мире больше не станет. Потому что такие, как эти, будут чувствовать безнаказанность и будут еще больше зла другим людям делать. Вот дал бы ты им денег и еще поблагодарил бы, а они завтра бы пошли и твою соседку-пензионерку ограбили бы. А так будут знать, что схлопочут от меня или кого-нибудь еще. А если бы все были такими добрыми как ты, то хорошо в этом мире жилось бы только негодяям. Нет, брат, в этом мире добро должно быть только с кулаками, – сказал Марк на прощание и пошел к ожидавшей его девушке.

Александр смотрел ему вслед и улыбался:

– А все-таки ты не прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.